

Гэ Юньшу, увидев, что он так легко смирился, поняла, что ослепла от своей глупости. Вспыхнув гневом, она решила, что раз уж все пошло наперекосяк, то пусть будет еще хуже. Когда Шэнь Хуэйчжэнь спросила, действительно ли она согласна выйти замуж, в её душе бушевали противоречивые чувства, и в порыве эмоций она согласилась, словно окончательно решив смириться с судьбой.

Шэнь Хуэйчжэнь, забрав её в комнату, принялась за шитьё свадебного наряда. Гэ Юньшу, находясь в смятении, с каждым стежком завязывала в душе новые узлы. В конце концов она не выдержала:

— Мама, я не буду это носить.

Шэнь Хуэйчжэнь, потирая иглу о голову, начала ворчать:

— Я с тринадцати лет была невесткой твоего отца, и у меня даже не было свадебного платья. Когда твоя старшая сестра выходила замуж, её наряд шила искусная служанка. Пока я ещё могу держать иглу, я хочу помочь и тебе. Ты хочешь следовать моде, устроить западную свадьбу, но не знаю, разрешит ли твой дядя, да и я сама считаю, что это не подходяще. Что это за стиль? Мужчина в черном, женщина в белом — это же похороны, не свадьба. Это несчастье, не радость.

Гэ Юньшу не могла найти с ней общий язык. С досадой она нахмурилась и протяжно сказала:

— Ах, мама, ты не понимаешь.

— Не учись этим бессмысленным вещам, — продолжала Шэнь Хуэйчжэнь, прикладывая юбку к её талии. — Мне кажется, эта талия слишком широкая, нужно сделать уже.

Гэ Юньшу встала и с раздражением сказала:

— Мне это не нужно. Если хочешь шить, оставь это для Цзяцзя!

Гэ Юньшу вышла из комнаты, чтобы подышать свежим воздухом, и как раз встретила Лун Юйлиня, который шёл во внутренний двор. Он прошёл мимо, не обратив на неё внимания, и она окликнула его сзади:

— Эй, ты что, живого человека не видишь?

Лун Юйлинь поставил таз с водой на каменную подставку, шумно умылся, прополоскал полотенце в воде, выжал его и вытер лицо:

— Вижу.

Гэ Юньшу подошла, чтобы придраться:

— Видишь, но не здороваешься?

Лун Юйлинь ответил:

— Некогда. После встречи с дядей пойду спать. Ужасно хочется спать.

Гэ Юньшу, не найдя выхода для своей злости, решила, что Лун Юйлинь сам напросился:

— Не спи, пойдём со мной на улицу. Я хочу посмотреть свадебные платья.

Лун Юйлинь повесил полотенце на верёвку и равнодушно сказал:

— Что там смотреть? Не пойду.

Гэ Юньшу, только что столкнувшись с бездушным мужчиной, теперь встретила ещё одного, который, казалось, был лишён всяких чувств. Она злилась на несправедливость судьбы, которая губит её молодость и искренние чувства, и настаивала:

— Пойдёшь, хочешь ты того или нет. Раз уж согласился быть зятем в нашем доме, значит, должен слушаться меня.

Лун Юйлинь рассеянно ответил:

— Слушаться тебя? Мечтай!

— Ты... — Гэ Юньшу указала на него пальцем. — Ты просто сводишь меня с ума!

Гэ Юньшу, доведённая до слёз, вспомнила о будущем, и нос её защекотал, а глаза наполнились слезами. Теперь Лун Юйлинь оказался в растерянности:

— Эй, эй.

Гэ Юньшу окончательно расплакалась. Она присела на корточки, уткнувшись лицом в руки. Лун Юйлинь, опустившись рядом, с досадой сказал:

— Что ты делаешь? Если кто-то придёт, не говори, что я тебя обидел. Я ничего не делал.

Гэ Юньшу, сквозь слёзы, невнятно проговорила:

— Зачем ты тогда согласился на предложение дяди? Ты вообще понимаешь, что такое симпатия, что такое любовь? Я тебя не люблю, не испытываю к тебе чувств, но должна выйти за тебя замуж и прожить с тобой всю жизнь. Одна мысль об этом вызывает у меня отвращение.

Симпатия — это порыв. Если его нет рядом, то не думаешь о нём, если рядом, то хочешь его, совершенно не задумываясь о последствиях. Это необдуманно, опрометчиво, даже подло и беспринципно. Любовь же — это слово, которое нельзя произносить легкомысленно. Это когда другой человек полностью проникает в твоё сердце, и ты берёшь на себя ответственность за него на всю жизнь, действуя осторожно и осмотрительно.

Лун Юйлинь, положив руки на колени, вспомнил Бай Хунци и с нежностью в глазах посмотрел на комнату напротив: Симпатия?

Затем он опустил взгляд на влажные кирпичи пола, его взгляд стал глубоким, и в его сознании возник образ Цзинь Луаньдяня: Любовь?

Лун Юйлинь медленно реагировал на этот вопрос. Яркое солнце палило, и он снова покрылся потом. У него не было времени глубоко размышлять об этом, но Гэ Юньшу он мог сказать с уверенностью:

— Я не испытываю к тебе симпатии и не люблю тебя. Я вернулся, чтобы сказать дяде, что не женюсь на тебе. Выходи за кого хочешь.

Гэ Юньшу продолжала плакать, сквозь слёзы спросив:

— Правда?

Лун Юйлинь кивнул:

— Естественно. Ты мне не нравишься.

В комнате напротив жила Цзяцзя. За окном стоял большой стол. Цзяцзя не могла находиться на свету, но любила чувствовать его тепло, поэтому тайком грелась у окна. Перед ней стоял зеркальный столик из красного дерева, но она не смотрела в зеркало, где отражалось её уродливое лицо, а наблюдала за парой во дворе. Они казались идеальной парой, словно герои из романов, и она не понимала, почему её старшая сестра так недовольна, что постоянно плачет и скандалит.

Цзяцзя увлеклась наблюдением, и Лун Юйлинь, почувствовав её пристальный взгляд, поднял глаза и встретился с ней взглядом. Цзяцзя, сердце которой заколотилось, поспешно закрыла окно.

Весь день Гэ Цинъюнь не появлялся. Лун Юйлинь проспал до четырёх часов дня, а затем отправился на улицу за покупками. Он разбил очки Бай Хунци и боялся, что тот больше не будет их носить.

Гэ Юньшу, чтобы избежать нравоучений Шэнь Хуэйчжэнь, решила сопровождать Лун Юйлиня. Она пошла в парикмахерскую делать завивку, но это было долгое занятие, и Лун Юйлинь, не дождавшись, ушёл раньше, чтобы выбрать оправу для Бай Хунци.

Когда Гэ Юньшу вышла из парикмахерской с блестящими чёрными кудрями, Лун Юйлинь ещё не вернулся. Она посмотрела на часы, а затем увидела его у входа в парикмахерскую и спросила:

— Где ты был?

Лун Юйлинь держал в руках изящную коробку:

— Покупал кое-что.

Гэ Юньшу с укором посмотрела на него:

— Что ты мог покупать так долго?

Лун Юйлинь подумал, что она его ругает, и резко ответил:

— А ты что покупала?

Гэ Юньшу больше не стала с ним разговаривать и отправилась в магазин одежды смотреть ципао. Лун Юйлинь вспомнил и сказал:

— Заодно купи ткань для занавески. У Цзяцзя окно без занавески, и она не может находиться на свету.

В магазине не нашлось новых моделей ципао, и Гэ Юньшу, недолго выбирая, купила ткань для занавески. К ужину они вернулись домой.

После ужина Лун Юйлинь разговаривал с Лун Тянься, а Гэ Цзюсяо приказал кухне приготовить вегетарианские блюда для Гэ Цинъюня. Гэ Юньшу зашла в комнату Цзяцзя.

Цзяцзя лежала на кровати, и Гэ Юньшу, прикоснувшись к её лбу, спросила:

— Цзяцзя, почему ты не пошла ужинать?

Цзяцзя вяло ответила:

— Вы с зятем вернулись слишком поздно, папа сказал подождать, но я уже устала и не хотела идти.

Гэ Юньшу с заботой спросила:

— Хочешь сейчас поесть?

Цзяцзя ответила:

— Не нужно, я не голодна.

Гэ Юньшу с улыбкой сказала:

— Извини, я сделала завивку. Как тебе?

Гэ Юньшу не хотела обидеть, но Цзяцзя почувствовала себя неловко. Её редкие, лишённые цвета волосы не позволяли ей сделать завивку, и она сказала:

— Очень красиво.

— Кстати, подожди, — Гэ Юньшу сходила в соседнюю комнату и принесла новую занавеску. — С занавеской тоже задержались, но это полуфабрикат, иначе бы пришлось завтра забирать. Нравится?

Цзяцзя медленно провела рукой по вышивке на занавеске:

— Нравится.

Гэ Юньшу с улыбкой сказала:

— Её выбрал Лун Юйлинь. Я боялась, что тебе не понравится.

Цзяцзя тихо проговорила:

— Зять выбрал для меня?

Гэ Юньшу кивнула:

— Да. Он сказал, что ты не можешь находиться на свету, а окно без занавески. Что, если случайно получишь слишком много солнца? Я велю её постирать, и завтра повесим.

Лун Юйлинь пробыл в резиденции Гэ три дня. Никто не выгонял его, но его собственные сомнения и страхи заставляли его чувствовать себя всё более неуверенно. Он решил встретиться с Бай Хунци, чтобы извиниться, как бы то ни было.

Вечером Лун Юйлинь добрался до Шанхая и направился к дому с садом. Над головой раскинулись яркие закатные облака, напоминающие алый дым. Чем дальше он шёл, тем гуще становились краски заката, и пурпурные лучи солнца окутывали кусты роз, обвивавшие железную ограду.

Он остановился у ворот и заглянул внутрь. Бай Хунци лежал в кресле на балконе, наслаждаясь вечерним ветерком. Лун Юйлинь с тяжёлым сердцем поднялся наверх и, подойдя к двери комнаты Бай Хунци, тихо постучал:

— Аци, это я.

Через некоторое время Бай Хунци открыл дверь, и Лун Юйлинь с улыбкой сказал:

— Аци, я вернулся.

Бай Хунци, выглянув из-за двери, произнёс странные слова:

— Ты ведь уже давно вернулся, или, может, вообще не уезжал.

Лун Юйлинь понял, что он всё ещё злится, и с виноватым видом сказал:

— Я... я боялся тебя видеть.

<http://bllate.org/book/15577/1386883>